

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства
печати и Министерства культуры Российской Федерации

Почтовый адрес редакции:

129626 Москва, а/я 55, Россия
тел: + 7 095 976—4788; факс: + 7 095 977—0828
e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru
Представительство в С.-Петербурге:
тел/факс: + 7 812 555—1208

Сайт издательства «Новое литературное обозрение»
<http://www.nlo.magazine.ru>

Подписка по России:

«Сегодня-пресс»
(в объединенном каталоге Почта России): подписной индекс 39356

«Роспечать»:
подписной индекс 47147 (на полугодие)
подписной индекс 48947 (на весь год)

Зарубежная подписка:

Kubon & Sagner: Heßstr. 39/41, 80798, München, Germany
tel.: 49 89—54—218—130; fax: 49 89—54—218—218
e-mail: postmaster@kubon-sagner.de

ISSN 0869-6365

© Новое литературное обозрение, Москва, 2001
При перепечатке материалов ссылка на «НЛО» обязательна

литературное НОВОЕ обозрение

№ 52 (2001)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Козлов (теория)
Мария Майофис (история)
Кирилл Кобрин (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Михаил Гаспаров (Москва)
Борис Дубин (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Ларс Клеберг (Стокгольм)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Ошват (Москва / Лос-Анджелес)
Олег Проскурин (Москва)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тищенко (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Александр Эткинд (Петербург)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ: ЕВРОПА

Ф р и т ь о ф   Б е н ь я м и н   Ш е н к

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕВРОПЕ ОТ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ*

Обзор литературы

«Какова [...] та особенная область исторической науки, где оправдано вмешательство исследований мозговой деятельности?» Этот вопрос поставил нейробиолог профессор Вольф Зингер в начале своего доклада, которым он открывал 43-й День немецких историков в Аахене в сентябре 2000 г.¹

Предмет, которым занимаются в равной степени нейробиологи и историки, считает В. Зингер, — это процессы человеческого восприятия и воспоминаний. Большинство текстовых и графических источников, привлекаемых исторической наукой для реконструкции прошлого, сами являются продуктом восприятия, воспоминаний и толкования людей. Результаты исследований мозговой деятельности в области функционирования аппарата человеческого восприятия должны заставить задуматься историка, слишком доверяющего источникам. Когнитивные процессы мозга все не столь оптимизированы, «чтобы предоставлять сколько-нибудь объективную оценку мира», — полагает В. Зингер. Напротив, наше сознание выбирает из широкого спектра сигналов, поступающих из окружающего мира, лишь те немногие, которые оно уже ожидает и «те, которые особенно пригодятся для того, чтобы выжить в сложном мире. Из этого немногочисленного конструируется затем связная картина мира». Такую форму восприятия, которая кажется целесообразной с точки зрения эволюции, однако имеет «порой катастрофические последствия для надёжности исторических источников, передаваемых через посредство людей», нейробиологи называют «избирательным вниманием». В этом аспекте восприятие представляется как «подкреплённое фактами изобретение», вернее как «высокоактивный, направляемый предположениями процесс интерпретации, ко-

торый упорядочивает в соответствии с вполне определёнными законами путаницу мозговых сигналов».

Законы, которые упоминает В. Зингер, правила и схемы, организующие человеческое восприятие, переработку, хранение и воспроизведение знаний, являются предметом изучения когнитивной психологии². Представители когнитивной психологии придерживаются единого мнения относительно того, что знания репрезентируются в человеческом сознании в структурированной форме. Однако часто ведутся споры о том, в какой именно форме и по каким правилам репрезентируются знания.

Авторитетной теорией репрезентации пространственных знаний в сознании человека является концепция *ментальной карты*. Понятие «ментальная карта» (mental map, cognitive Landkarte) было впервые введено Э. С. Толманом в 1948 г. Однако главные работы по этой тематике относятся к 70-м годам и принадлежат авторскому коллективу Р. М. Доунза и Д. Сти³. Географ Р. М. Доунз и психолог Д. Сти определяют ментальную картографию как «абстрактное понятие, охватывающее те ментальные и духовные способности, которые дают нам возможность собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве». Следовательно, ментальная карта — это «созданное человеком изображение части окружающего пространства. [...] Она отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной. Искажения действительно очень вероятны»⁴. Субъективный фактор в ментальной картографии ведёт к тому, что «ментальные карты и ментальная картография [...] могут варьироваться в зависимости от того, под каким углом человек смотрит на мир»⁵. Когнитивная психология понимает ментальную карту как субъективное внутреннее представление человека о части окружающего пространства⁶.

Со временем понятие «ментальная карта» получило своё развитие и перешло в обиход других исследовательских дисциплин, среди которых география и историческая наука. Распространение данного понятия основывается на осознании того, что не только индивидуумы создают свою субъективную внутреннюю картину окружающего их пространства, сведения о котором они могут получить непосредственно. Группы людей, сообщества и коллективы также создают специфические в историческом и культурном отношении представления о пространственной структуре окружающего мира, который они видят или могут вообразить себе. Этот процесс коллективной ментальной картографии в течение ряда лет привлекает к себе внимание разных областей знаний. В этой междисциплинарной сфере исследований встречаются друг с другом географы, историки, этнологи, картографы, социологи и психологи.

В отличие от исследований ментальных карт в рамках когнитивной психологии, социологи и культурологи направляют свой взгляд не столько на формы репрезентации пространственных знаний в сознании индивидуума, сколько на зафиксированные текстуально и в виде изображений представления всего общества о пространстве. Если психологи имеют дело прежде всего с ориентацией людей в пространственных микроструктурах, доступных их познанию, — таких как дом, улица, город, — то социологи и культурологи изучают воображаемое членение территорий, с которыми лишь малая часть членов данного сообщества знакома по личным наблюдениям, — таких, например, как «Балканы», «Азия», «Центральная Европа» или «Восточная Европа». Так же, как и изучение национального ми-

* Статьи Ф.Б. Шенка и А.И. Миллера, любезно предоставленные для предварительной публикации в «НЛО», будут полностью опубликованы в сборнике ИНИОН «Политическая наука», вып. 4 (ред.).

ра образов и символов, анализ коллективных ментальных карт можно отнести к области исследований общественного воображения и коллективной репрезентации. Даже если с точки зрения существования «реалий» (например, географических, культурных, языковых, конфессиональных) границы исследуемых районов и не отрицаются во многих работах, все же предметом исследовательского интереса в этих работах прежде всего, как правило, являются представленные в текстах, на картах и рисунках наброски и планы территорий. По этой причине исследования ментальных карт часто имеют в своей основе анализ дискурса.

В тесном соседстве с историко-культурным изучением специфических представлений о пространстве находятся такие сферы исследования, как изучение границ и геополитика: аналитический обзор научной литературы по этим темам был недавно опубликован Юргеном Остерхаммелем⁷. Ю. Остерхаммель, чьё исследование «дискурса об Азии» в Европе XVIII века внесло важный вклад в современную дискуссию о ментальных картах⁸, сожалеет в своём аналитическом обзоре о том, что современные немецкие историки отказываются рассматривать историю в пространстве. Смущение перед этой темой, которое особенно бросается в глаза при сравнении с открытостью к вопросам пространства в социологии и культурологии, он возводит, во-первых, к традиции историзма с его сосредоточенностью на факторе времени, а во-вторых, к скомпрометировавшим себя геополитическим изысканиям времён Веймарской республики и национал-социализма. Ю. Остерхаммель выступает за то, чтобы опять признать географию и историю родственными дисциплинами и снова сделать географическое пространство предметом обсуждения в исторической науке.

В географии уже ведётся бурная дискуссия о конструировании пространства в сознании. Поскольку географические представления о пространстве традиционно проявляются в картах, именно в картографии в первую очередь и можно обнаружить интересные исследования на тему создания ментальных карт. Большое значение тому утверждению, что карты никоим образом не воспроизводят объективную реальность, придают в особенности работы, которые можно отнести к географии постмодернизма. Историк картографии из США Джон Брайен Харли (1932–1991) сожалеет, что до сих пор ни географы, ни историки не занимались исчерпывающим образом географическими картами в качестве структур социального знания. Для него географические карты являются сложными семиотическими построениями, которые, как и тексты, требуют интерпретации и которые следует читать как портрет власти⁹. «Карта никогда не является нейтральной» — вот ключевая мысль Дж. Б. Харли¹⁰.

Вдохновлённый идеями Жака Деррида и Мишеля Фуко, он формулирует три новые точки зрения на картографию, которые ориентированы на новую эпистемологию, прочно занявшую своё место в социальных теориях. Во-первых, Харли интересуется сводом правил, по которым составляются карты. Во-вторых, он анализирует текстуальность карт и занимается их деконструкцией. В-третьих, он исследует взаимосвязь между картами и осуществлением власти. «Карты являются языком исключительно власти, а не протеста», — констатирует Дж. Б. Харли¹¹. Составление карт критически важно при ведении войны, при управлении страной и при определении имущественных отношений. При этом захват территории на карте часто предшествовал империалистической экспансии. «Владеть картой значило владеть страной»¹². Искусство картографии находилось в руках

немногих специалистов. Картографы никогда не были независимыми художниками или мастерами. На составление карт всегда оказывали влияние политические силы, рынок или бюрократия.

Географические карты как «синоптическое средство» стали предметом исследования также и для семиотики. Дагмар Шмаукс и Винфрид Нёт посвятили этой теме двойной номер журнала по семиотике¹³. В то время как Д. Шмаукс в своей статье, помещённой в этом издании, описывает карты как систему знаков и иллюстрирует свои выводы примерами карт погоды¹⁴, в статье В. Нёта, где автор касается также проблемы ментальных карт, даётся полезный обзор «картосемиотики» (Kartosemiotik) как особой сферы семиотических исследований¹⁵.

Мостик к когнитивной психологии перекидывается в работе Даниэля Р. Монтелло¹⁶. Однако он занимается не столько репрезентацией пространственной информации, сколько переработкой географических карт в сознании, т. е. пространственными знаниями «второй степени».

В дискуссии по географии и «картосемиотике» даже такая, казалось бы, бесспорная вещь, как стороны света, потеряла привычный ореол объективности¹⁷. Йонг Цао обращает внимание на то, что стороны света в названиях частей страны или континента редко указывают на географическое положение соответствующей местности относительно говорящего¹⁸. Напротив, речь идёт о геополитических единицах, которые сложились в процессе политической истории как территории и как ментальные конвенции, — например, это такие регионы США, как «Восточное побережье», «Средний Запад», «Юг». Именно такими конвенциями занимаются социологические и культурологические исследования ментальных карт.

Первой стороной света, которая подверглась деконструктивистскому взгляду, был восток. Одним из ключевых текстов в дискуссиях последнего времени является, разумеется, работа Эдварда Саида «Ориентализм» (1978)¹⁹. Работа Э. Саида была продолжением дебатов о колониализме и постколониализме. Автор описывает ориентализм — опираясь на Фуко — как западноевропейский дискурс, который, в первую очередь в Великобритании и Франции, в конце XVIII и особенно в XIX веке не только породил множество научных институций и дисциплин, не только способствовал росту интереса к восточным языкам, но и создал Восток как осознаваемую сущность и субъект истории. Этот конструкт, изобретённый западноевропейской мыслью, имел функцию амбивалентной противоположности Западу: такая противоположность, с одной стороны, могла романтически прославляться, а с другой стороны, выражала желание завладеть территорией, определяемой как «восток». Подобно Джону Б. Харли, который пытался читать географические карты как проявление власти, Э. Саид интерпретирует Восток как элемент ментальной карты, которую можно объяснить особым евроцентристским чувством превосходства над странами этой территории. Согласно Э. Саиду, ориентализм не является невинными рассуждениями о своём и чужом. Напротив, он становится отражением агрессивных империалистических интересов. Ориентализм придумал такой Восток, который полностью отличался от Запада, и чья сущность имела неизменные черты — языковые, культурные, а позднее в первую очередь религиозные. Тот факт, что многие западные представления о Востоке опираются только на географическую карту и ни на что другое, неоднократно констатировался многочисленными путешественниками после личного наблюдения. Однако из-за этого идея гомогенного Востока не по-

теряла своей привлекательности. Восток продолжал жить как тавтологическое понятие, которое можно коротко передать утверждением, что Восток — это дом восточного человека, где «он проводит жизнь в восточном комфорте, в состоянии восточного деспотизма и восточной чувственности, напоенный чувством восточного фатализма»²⁰.

Книга Э. Саида вызвала оживленные споры и вдохновила многих на исследовательские работы об ориентализме²¹, а также пробудила интерес к другим местностям на ментальной карте Европы. Мария Тодорова, например, критически рассматривает идеи Э. Саида во вступительной части своей работы о «балканизме» как особом западном дискурсе²². В отличие от Милицы Бакиц-Хэйдэн, М. Тодорова понимает балканизм не как часть ориентализма²³. Также под влиянием книги Саида, несомненно, находился и Ларри Вулф, когда он решил изучить, как авторы западноевропейского Просвещения «придумали Восточную Европу»²⁴. Л. Вулф анализирует прежде всего французскую и английскую литературу, описания путешествий, историографию, дневники, письма и географические заметки XVIII в. — и обнаруживает в них «изобретение Восточной Европы»²⁵. Традиционное, или классическое, разделение Европы на «варварский» север и «цивилизованный» юг сменяется в конце XVIII века, согласно Л. Вулфу, новым членением континента — на запад и восток. Ту или иную конкретную страну причисляют к одному из этих двух регионов, исходя из центрального критерия, которым служит уровень прогресса, место данного общества на определенной шкале исторического развития, постулируемой Западом в качестве стандартной. Тезис Л. Вулфа гласит, что разделение Европы в XX веке на две части по линии железного занавеса было предвосхищено ещё в XVIII веке, в идеях западноевропейского Просвещения.

Восточная Европа, которая, согласно современным представлениям, расположена к востоку от немецко-польской или немецко-чешской языковой границы, в эпоху Просвещения мысленно воспринималась западноевропейскими путешественниками как относительно отсталая (по сравнению с цивилизованным Западом) территория, считает Л. Вулф. Они видели в Восточной Европе переходную территорию между Западом и диким Востоком. Восточная Европа в глазах человека Просвещения находилась на пути к цивилизации, однако представлялось, что достижения в этом направлении лишь поверхностны, в глубине же все еще располагается варварская основа. Соответственно, Восточная Европа рассматривалась как территория, отмеченная противостоянием дикости и цивилизации. В духе Э. Саида, Л. Вулф интерпретирует идеи о Восточной Европе как проявление западного чувства превосходства. То, как западные просветители представляли Восточную Европу в воображении и изображали на картах, следует понимать даже как западную подготовку к аннексии, к территориальной экспансии в восточном направлении (раздел Польши, поход Наполеона в Россию, захватническая политика III Рейха).

Положения Л. Вулфа в иных пунктах не кажутся бесспорными. Он объединяет страны и регионы в понятие «Восточная Европа», тогда как само это понятие ещё не появилось в изучаемых им источниках. Таким образом, он рискует спроецировать на XVIII век представление о пространстве, которое, возможно, возникло только в XIX веке. Очевидно, что Вулф изучил только такие описания путешествий, в которых речь идёт о странах, сочтенных впоследствии частями Восточной Европы. Было бы интересно сопоставить тексты, исследуемые Вулфом, с современными им со-

общениями о провинциях западной, «цивилизованной» Европы. Может быть, тогда оказались бы размытыми те границы между Западом и Востоком, которые Л. Вулф считает возможным заметить в сообщениях о странах Восточной Европы. Не исключено, что тогда его наблюдения можно было бы систематизировать скорее по модели «цивилизованный центр (откуда происходит большинство рассматриваемых авторов) против дикой периферии», чем по схеме «Запад — Восток».

Интересная работа Л. Вулфа страдает также от того, что автор лишь в незначительной степени ссылается на немецкоязычную литературу. Это относится как к его первичным источникам — трактатам Лейбница, которые, занимая центральное место в рассуждениях о Восточной Европе, к сожалению, не анализируются Вулфом, — так и к привлекаемой научной литературе. Трудно понять, почему Л. Вулф в своей работе оставляет без внимания крайне важную статью Ханса Лемберга о понятии Восточной Европы²⁶. Два основополагающих исследования по истории восприятия России в Западной Европе, написанные Дитером Гро и Львом Копелевым, также не упоминаются Л. Вулфом²⁷.

В отличие от Вулфа, Лемберг датирует возникновение понятия «Восточная Европа» только XIX веком. При этом он подчеркивает, что вплоть до начала Первой мировой войны понятие «Восточная Европа» большей частью употреблялось как синоним понятия «Россия». Такое словоупотребление отражало факт господства России над обширной территорией Польши. Еще в XVIII веке в немецких, английских и французских источниках Россия причислялась не к Восточной, а к Северной Европе. Здесь сказывалось влияние античной картины мира, которая исходила из разделения земли на «цивилизованный Юг» и «варварский Север». По утверждению Х. Лемберга, в середине XVIII в. понятия «Восточная Европа» еще не существовало. В отличие от Л. Вулфа, Лемберг характеризует относящиеся к XVIII в. замечания о том, что Россия находится «на востоке», как «отдельные объяснимые исключения»²⁸.

Еще для Гёте Восток (Osten) и Ближний Восток (Orient) были тождественными понятиями. Замена северной локализации на восточную произошла только в 30-е годы XIX века.

Решающими событиями, определившими перемещение России с севера на восток, были Венский конгресс и Крымская война, считает Х. Лемберг. Автор подчеркивает, тем самым повторяя мнение Л. Вулфа, что этот процесс не был «просто поверхностным изменением терминологии, в нем отразилась перемена политико-идеологического мировоззрения обширных частей Европы»²⁹. Перекройка ментальной карты Европы включала в себя сужение понятия «Северная Европа» до германского языкового ареала. Название территории «Север» постепенно приобрело положительную коннотацию и стало синонимом названия «Скандинавия». В свою очередь категория «Восток» претерпела расширение. Это было связано с тем, что в XIX веке национально-языковые критерии постепенно пришли на смену таким критериям разделения Европы, как государственная система и классическая образованность. В новое определение «Восточной Европы» внесла существенный вклад славистика, которая признала эту территорию областью своих исследований и описывала ее как культурно-историческую сущность.

В то же время и в ориентализме в первые десятилетия XIX века перед лицом турецкой опасности внезапно появилось представление, что Восток

(Orient) является «диким», «нецивилизованным» и несет в себе угрозу. Эти коннотации «восточного» осознавались еще в период до революции 1848 г. в Германии и переносились на Россию, объясняет Х. Лемберг. Были все основания причислить Россию уже не к Европе, а к «Востоку», т. е. к Азии. «Дикость», которая прежде связывалась с Севером, теперь стала ассоциироваться с «восточным / ориентальным». По этой причине Россию также нередко называли «полуазиатской». Этот лексикон сохранялся в последствии в период антибольшевистской пропаганды Третьего Рейха и перешел в идеологию Запада времен холодной войны.

Как русское «отражение» того, что Россия была помещена Западом на восток, следует рассматривать развернувшуюся в XIX веке дискуссию «Россия и Европа». В этой дискуссии о коллективном российском самосознании термин «Европа» употребляется как синоним термина «Запад». Однако это не значит, что Россию сразу стали определять как восточную страну. Русское слово «восток» до сегодняшнего дня в первую очередь обозначает «Ближний и Средний Восток» (Orient). У России есть собственное место и собственная позиция в этом интенсивно исследуемом споре между Западом, т. е. «Европой», и Востоком, т. е. «Азией»³⁰. То, что Россия не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, а на основании своей этнографической структуры, своей истории, своей экономики, характера своего общества составляет отдельную геополитическую единицу, провозглашалось в 1920-х годах эмигрантской евразийской школой, идеи которой сегодня снова пользуются в России растущей популярностью³¹.

Идея, что граница между Европой и Азией пролегает поперек России, появилась все же раньше XIX века. Вопрос о том, где именно встречаются друг с другом два континента, занимал русских географов еще в XVIII веке, как сообщает в своей содержательной статье Марк Бэссин³². Разделение страны на европейскую и азиатскую части также следует понимать как последствие «озападнивания», вестернизации России Петром Великим, считает М. Бэссин. Как только страна в 1721 году превратилась из русского царства в Российскую Империю, возникла мысль, что страну, как и другие европейские империи (например, Великобританию или Португалию), можно разделить на (европейскую) метрополию и (внеевропейскую) периферию. Впервые различие между европейской и азиатской частями России проведено в работах историка и географа Татищева, который первым предложил считать границей между континентами Урал (горный хребет и реку). В конце XVIII века Татищев добился того, что его вариант разграничения страны на Европу и Азию был принят. С тех пор и до настоящего времени границу между Европой и Азией проводят в России по Уралу. В уральских горах, в городе Нижний Тагил и сегодня стоит гранитная стела, на восточной стороне которой выбито «Азия», а на западной — «Европа».

Колебания западного понятия «Восточная Европа» начались в тот момент, когда изменилось расположение государств в Европе, сложившееся после Первой мировой Войны, и между Россией и Германией возник пояс частично новых независимых государств. Перекройка ментальной карты Европы после 1918 г. проявилась в дискуссии о понятии «восточная Европа», которая велась в 30-е годы в немецкоязычных журналах и была связана со спорами о предмете такой области знаний, как история Восточной Европы³³. Представления о крупных географических областях, собственно, редко оставалось чистой игрой идей. Как и в случае с ориентализмом,

в ходе конструирования Восточной Европы тоже возникли многочисленные учреждения и научные дисциплины, которые увлеченно занимались, среди прочего, исследованием данного региона³⁴. Существование этих организаций оказывалось под вопросом всякий раз, когда заложенные в их основу ментальные карты подвергались перекройке в результате политических переломов.

Когда был разрушен «железный занавес», науки, после 1945 г. занимавшиеся изучением Восточной Европы, снова столкнулись с вопросом о том, каковы основы их дальнейшего существования, а также о том, каковы границы и очертания изучаемого региона. Определение Восточной Европы, доминировавшее во времена холодной войны, в первую очередь было ориентировано на современные ему политические реалии и ограничивало территорию Запада «железным занавесом». Потом хватило нескольких лет, чтобы оно перестало соответствовать действительности. Эти колебания ментальной карты Европы отразились в дискуссии, которая в последние годы ведется в рамках такой научной дисциплины, как история Восточной Европы³⁵.

С исторической точки зрения, пространственный концепт Восточной Европы возник, подобно более ранней идее Востока, как романтизирующая (а частично — как негативная) контрпроекция в ответ на укрепляющийся собственный образ Запада. Восток воплощал нечто чужое, иное, иногда угрожающее. История и сущность связанного с этим образом позитивного представления о более или менее гомогенном Западе, между тем, также стали предметом изучения. Однако исследования оксидентализма далеко не достигли того масштаба, что исследования ориентализма. Джеймс Дж. Кэриер включил в свой сборник «Оксидентализм: образы Запада», наряду со статьями о том, как видят себя сами западные общества, также и статьи о роли образа Запада для коллективного самосознания незападных обществ³⁶. Задачей автора было показать, «как образы Запада формируют представление людей о самих себе и как в свою очередь сами эти образы формируются людьми западных и незападных обществ»³⁷. В качестве одного из ключевых понятий, используемых в «дискурсе о Западе», Сильвия Федеричи выделяет понятие «культура», или «цивилизация», и посвящает целую антологию концептам, связанным с этими словами³⁸. То, что подходы к проблемам оксидентализма и, соответственно, оксидентализации, а также приемы, используемые в сфере оксидентализации, могут приводить к совершенно противоречивым результатам, демонстрирует сборник, который был подготовлен учеными Лейпцигского университета и издан Доротеей Мюллер³⁹. Статьи, собранные в данной антологии, посвящены не только ментальному конструированию «Запада», но также уделяют внимание и практике оксидентализации, основанной на этом концепте. В результате становится ясно, что образ Запада во многих (незападных) обществах имел и имеет совершенно иную функцию, чем образ Востока на Западе. Хотя Клаус Бохман и Пирман Штекелер-Вайтхофер в своей статье, посвященной вопросам права, указывают на то, что в последние годы, например, в России и в Турции можно наблюдать усиление неприязни по отношению к Западу, все-таки они констатируют, что этот концепт для широких кругов населения все еще воплощает своего рода положительный образец⁴⁰.

Идея, что Запад является неким исторически и культурно определенным пространством, смыкается с представлением о том, что Европа — это

больше чем просто географическая территория. М. Бэссин, в своей работе о построении границы между Европой и Азией в русской географической литературе XVIII века, указывает на идеологизацию понятия «Европа» в период позднего средневековья. Еще у древних греков «Европа» была чисто географическим термином, не имеющим культурных или политических коннотаций, пишет М. Бэссин. В особенности под влиянием церкви этот термин превратился в обозначение духовного царства христианства. Из этого представления выросло чувство европейского культурного и политического превосходства⁴¹.

Наряду с Востоком и Западом, изучение ментальных карт в последние годы также коснулось Севера как идентификационного конструкта (Б. Хеннингсен)⁴². В картине мира классической античности Север считался родиной нецивилизованных варваров, пристанищем «иноного», от которого Юг, как оплот культуры, отграничивался. Правда, у Тацита встречается — и здесь обнаруживается параллель с амбивалентностью ориентализма — также изречение о более высокой культурной значимости германцев, которых он представляет взору испорченных римлян в качестве идеализированной противоположности. Х. Лемберг делает отсюда вывод о том, что идея мира, разделенного по схеме «Север — Юг», не передавалась непрерывно от античности до современности⁴³. Скорее это представление о структуре мира возродилось в эпоху гуманизма и Ренессанса и затем сохранялось до XIX века. До 1810 года в общепринятой картине мира к Северной Европе причислялись те страны, которые были расположены севернее Черного моря и Дуная и восточнее Эльбы и Вислы. Эту территорию обозначали понятия «Septembrio», «полунощные страны» или просто «Северные страны». Эти определения использовались равным образом и в немецкоговорящих, и во франко- и англоговорящих местностях. Территория северных стран противопоставлялась области южных стран. Даже поединок между Россией и Францией при Наполеоне воспринимался современниками еще как конфликт Севера и Юга.

Идея «дикого Севера» изжила себя самое позднее в XIX веке, в эпоху романтизма. Старая картина разрушалась с двух сторон. Одно из двух идейных течений, приведших к переоценке Севера, Бернд Хеннингсен относит к XVII веку. Основу нового осмысления Севера — нового «нордизма» — прежде всего заложил своими сочинениями медик и ученый-энциклопедист Олаф Рюдбек, считает Б. Хеннингсен⁴⁴. В то время, когда Швеция была великой державой, О. Рюдбек создал фундамент нордической идеологии, которая провозглашала превосходство Севера, т. е. Скандинавии под господством Швеции, и, таким образом, обосновывала претензии Швеции на исключительную позицию в иерархии европейских государств. Это идейно-политическое построение продержалось до XIX века, когда оно утратило свою специфически шведскую коннотацию и переродилось в «нордическую» идеологию общего характера. В качестве второго идейного течения, внесшего вклад в переоценку Севера, Б. Хеннингсен называет существовавшее в XIX веке в Германии политико-литературное движение «Скандинавизм», которому соответствовали одноименные литературные направления в северных странах⁴⁵. Основу скандинавизма составило «открытие» древнескандинавской литературы и реинтерпретация саг и мифов в качестве древнегерманского наследия, осуществленная литераторами немецкого романтизма. Стилистическое превращение Севера в культурную прародину германцев и присвоение скандинавской лите-

ратуры нашли продолжение в расовой идеологии национал-социалистов. Свойственный Северу стереотип собственного морального превосходства, корни которого восходят к XVII веку, времени, когда Швеция была великой державой, сохраняется до сего дня как прочная основа для регионального сотрудничества и для ментального отграничения скандинавских стран от Европы (Европейского союза)⁴⁶.

Хотя Юг и окружен с давних пор магической аурой, эта сторона света, очевидно, все-таки еще не служит в европейском контексте обозначением влиятельной территориальной идеи. «Южная Европа», знакомая каждому школьнику по урокам географии лишь как абстрактная категория, не смогла развиться в олицетворяющий чужую либо свою родную местность образ той притягательной силы, какой обладают отдельные составные части данной территории — например, Италия или Греция. В исторических исследованиях район современного юга Европы осмысливается большей частью как «Средиземноморье» — после имевшего большое влияние труда Фернана Броделя⁴⁷. Это, однако, не означает, что на ментальной карте Европы «Юг» остался нейтральной, не имеющей своего значения стороной света и пространственной категорией. В античности Юг считался приютом цивилизации, противоположностью дикому заальпийскому северу. В течение столетий это представление коренным образом изменилось. Своей низшей точки репутация Юга достигла после второй мировой войны, когда к этой части света был приклеен ярлык экономической отсталости. Эта взятая из экономической географии модель систематизации встречается как в ментальных картах мира («Конфликт Севера и Юга»)⁴⁸, так и в ментальных картах отдельных европейских стран (например, внутриитальянское политическое движение «Лига Севера» как местный политический контрпроект по отношению к бедному югу Италии)⁴⁹. Такая драматическая перемена в образе Юга очевидно еще ожидает подробного исследования.

Соединение Юга и Востока — Юго-Восточная Европа, или Балканы — представляет собой особое пространство на ментальной карте Европы, которое в последние столетия опять и опять заново конструируется, мифологизируется и демонизируется. В важнейшем исследовании этих идейных течений — работе Марии Тодоровой «Воображая Балканы» — анализируются как западные, так и местные балканские идеи начиная с конца XVIII века и заканчивая войнами в Югославии в 90-е годы XX века⁵⁰. То, что Тодорова называет «балканизмом», встречается прежде всего в публицистических текстах, путевых заметках и политических эссе. Научную литературу она сознательно исключает из своего исследования. Свои основные характерные черты понятие «Балканы» приобрело в первые два десятилетия XX века, и вплоть до наших дней этот концепт сохраняет свое содержание практически неизменным. «Дискурс о Балканах», считает М. Тодорова, опирается на оппозицию «цивилизация — варварство» и характеризуется идеями превосходства западной цивилизации, отсталости Балкан, идеей внутренних раздоров и лейтмотивом первобытной родовой культуры. М. Тодорова определяет балканизм — подобно ориентализму — как (западно-) европейский отграничительный дискурс, который — в отличие от ориентализма — разворачивается внутри европейского контекста. Высшие точки клеймящих и очерняющих высказываний о Балканах М. Тодорова фиксирует в начале (Балканские войны) и в конце XX века (войны в бывшей Югославии). Приводящие в замешательство жестокие

события этих войн склоняли западного наблюдателя к тому, чтобы видеть в Балканах нечто решительно иное, чем Европа. М. Тодорова же усматривает в этих процессах повторение «гомогенизирующих» событий, которые определили историю также и многих западноевропейских наций. Для нее они, напротив, являются доказательством принадлежности Балкан к европейской истории. М. Тодорова указывает в своей работе на еще одну дискуссию, в рамках которой Балканы, в качестве ограничительной категории — наряду с Россией, вернее Советским Союзом, — играли важную роль: это споры 80-х годов о Центральной Европе^{51*}.

Действительно, помимо представленных выше четырех сторон света, понятие «середины», или «центра» Европы также неоднократно служило за последние 200 лет концептуальной опорой для идеологического дискурса. Одно из важнейших исследований по истории «центральноевропейской идеи» принадлежит географу и историку из Берлина Хансу-Дитриху Шульцу⁵². Х.-Д. Шульц, для которого «территории классической географии являются не реальностью, а конструктами, принадлежащими скорее [...] области идеологии, чем эмпирики»⁵³, посвящает свою статью понятию «Центральная Европа» в дискурсе немецкоязычной географии начиная с XIX века. Х.-Д. Шульц интерпретирует общепринятые представления о географических территориях как выражение потребности людей в ориентации и как результат давления определенной политической обстановки.

Понятие «Центральная Европа» впервые появляется, согласно Х.-Д. Шульцу, в географических текстах рубежа XVIII—XIX веков. Оно возникло в связи с попытками географов разработать дифференцированную систему организации географических знаний, в которой «реальные страны» были бы объединены в постоянные группы. Многие схемы в этой системе соответствовали ясным экономическим или политическим соображениям. Так, схема «центр — периферия» впервые встречается в текстах развернувшейся в Германии в 1840-е — 1850-е гг. дискуссии о таможене и национальной политике. Эти политические проекты сопровождалась географическими исследованиями, в которых Центральная Европа отчасти уже наделялась решительно антирусскими признаками⁵⁴. После образования Германской империи рассуждения о Центральной Европе встречаются в немецкоязычной географической литературе реже, отмечает Х.-Д. Шульц. А во время Первой мировой войны понятие «Центральная Европа» (иногда — «Промежуточная Европа», «Zwischeneuropa») снова играет большую роль. Интересна ссылка Х.-Д. Шульца на географа Ганслика, который еще в 1917 году критиковал понятие «Центральная Европа» и утверждал, что «такой природной и культурной реальности, как Центральная Европа, не существует»⁵⁵.

Несмотря на подобные критические высказывания географов, словосочетание «Центральная Европа» осталось важным выражением в немецкоязычных дебатах о политике и географии.

Концепцию Центральной Европы, выдвинутую Фридрихом Науманом (1915) исследовал в сопоставительно-аналитической работе Маркус Шуберт⁵⁶. М. Шуберт характеризует концепт Ф. Наумана как идею союза центрально-европейских государств, возникшую прежде всего из экономических и военных соображений. С экономической точки зрения Ф. Науман представлял себе Центральную Европу как блок между англо-амери-

канской и российско-азиатской экономическими зонами. В военном отношении Центральная Европа — это оборонительный союз против США, Великобритании и России. Ф. Науман считал, что Центральная Европа должна объединять такие страны, как Германия, Австрия, Венгрия, Богемия, Моравия, Словакия, отошедшие к Австрии и Пруссии в результате раздела части Польши, Хорватия, Трансильвания и Румыния, Болгария, Сербия, Греция, Швейцария, Дания, Голландия и Бельгия (возможно, также Италия). Языком делового общения в Центральной Европе должен был служить немецкий, а «хозяйственное пруссачество» Германской империи и немецкое «экономическое вероисповедание» должны были в будущем определять характер Центральной Европы. Одного из главных оппонентов Науман нашел в лице Т. Г. Масарика, провозвестника чехословацкого государства, чей проект национального государства противоречил проекту федеративной Центральной Европы⁵⁷.

Исследователи спорят о том, какую связь можно провести между немецкой концепцией Центральной Европы первых двух десятилетий XX века и великодержавными фантазиями Гитлера. М. Шуберт берет Ф. Наумана под защиту от упреков такого рода и пишет, что «абсурдно» представлять его провозвестником немецкого стремления к гегемонии и империализму.

Хорошую возможность ознакомиться с обсуждением центральноевропейской темы в первой половине XX века предоставляет сборник, изданный Рихардом Плашкой в 1995 г. под эгидой Австрийской академии наук⁵⁸. Антология объединяет статьи о немецких концепциях Центральной Европы и планах государственной реформы Австро-Венгрии (1900—1918), а также работы о политических и экономических концепциях Центральной Европы (1918—1938 гг.). Особенно достойными упоминания кажутся исследования Вольфганга Моммзена об идее Центральной Европы и центральноевропейских планах, существовавших в Германской империи до и во время Первой мировой войны, Йорга К. Хенша — о планах национал-социалистов относительно Европы во время Второй мировой войны и Вацлава Курала — о развитии идеи Центральной Европы от «Новой Европы» Т. Г. Масарика до крупных территориальных планов гитлеровской Германии.

«Центральноевропейский дискурс» возрождался после 1945 г. дважды. Первый раз — в конце 50-х гг., когда понятие «Центральная Европа» снова возникло в политических и культурно-исторических дебатах в Германии, а второй раз — в 1980-х гг., когда началась, прежде всего в Венгрии, Польше и Чехословакии, оживленная дискуссия о Центральной Европе⁵⁹. Немецкий дискурс о Центральной Европе проанализировал в своей статье Тимоти Гартон Эш⁶⁰. Он подчеркивает, что эти споры вращались прежде всего вокруг «немецкого вопроса». Этот историк и политолог обнаруживает в немецкой дискуссии о Центральной Европе второй половины XX в. четыре линии. Во-первых, культурно-историческое направление, главным представителем которого был Карл Шлегель⁶¹. Во-вторых, консервативная геополитическая версия Андреаса Хильгубера, Клауса Хильдебранда, Михаэля Штюрмера, для которых было несомненным, что немецкая история определяется центральным расположением Германии. В-третьих, левое геополитическое направление, которое делало ставку на нейтралитет Центральной Европы. В-четвертых, концепция круга политиков СДПГ, приближенных к Вилли Брандту, которые видели в Центральной Европе «term of art» для своего проекта «второй фазы восточной политики» и дальнейшей политики разрядки. Т. Г. Эш подчеркивает, что по-

* См. статью А. И. Миллера в этом номере «НЛО» (ред.).

следний из упомянутых немецких проектов Центральной Европы в той же степени предполагает отход от Запада, в какой аналогичные дебаты в восточной части Центральной Европы (Ostmitteleuropa) предполагали отдаление от Востока.

Дискуссии о Центральной Европе в Венгрии, Польше и Чехословакии вызвала, в числе прочего, статья Милана Кундеры «Трагедия Центральной Европы». В то время как различные направления дискуссии о Центральной Европе в Германии вращались вокруг «немецкого вопроса», аналогичные дебаты в государствах восточной части Центральной Европы велись по поводу отграничения от России и процесса советизации. Наряду с М. Кундерой в данных спорах принимали участие Дьердь Конрад, Вацлав Гавел, Чеслав Милош, Данило Киш, Михай Вайда, Милан Шимечка и др. Между тем, эта дискуссия тщательно зафиксирована в многочисленных сборниках⁶² и проанализирована большим количеством авторов. Помимо уже упоминавшихся работ М. Шуберта, Х.-Д. Шульца и Т. Г. Эша, которые посвятили некоторые части своих статей спорам о Центральной Европе, здесь следует назвать, в частности, исследования Тони Джадта, Ивера Б. Ноймана, Эрика Хобсбаума и Алексея Миллера⁶³.

Как пишет Х.-Д. Шульц, в конце 80-х гг. о Центральной Европе в восточной части этого региона говорили как о «ментальном пространстве, [...] существующем в воображении и представляющем собой объект желания»⁶⁴. Он цитирует Э. Хобсбаума, предупреждавшего о дискриминационном потенциале (Ausgrenzungspotential), которым обладают пространственные понятия вообще и понятие «Центральной Европы» в особенности (в первую очередь, относительно России и Балкан): «Быть центральноевропейцем в то же время значит не быть восточным европейцем или жителем Балкан. [...] Чем настойчивее Центральная Европа клянется в верности гуманному образу жизни [...], тем дальше отодвигается Россия к краю Европы и попадает под старое подозрение в том, что она представляет совершенно другой, чужой, может быть, даже «азиатский» мир»⁶⁵.

Такому решительно антирусскому настроению в дискуссии о Центральной Европе посвящает свое исследование И. Б. Нойман⁶⁶. Под влиянием теоретических положений Фуко он также понимает Центральную Европу не столько как исторически сложившуюся реальную территорию, сколько как продукт рассуждений о Своем и Чужом, как ключевое слово в спорах о собственной наднациональной идентификации.

А. И. Миллер в своей интерпретации идет даже еще дальше. Он считает, что спорами о Центральной Европе страны, расположенные в центре Восточной Европы, компенсируют собственную отсталость⁶⁷. И. Б. Нойман полагает, что, как всякие рассуждения об идентификации, дискуссия о Центральной Европе состоит из попыток отграничить себя от «Чужого» или «Иного». Роль этого «Чужого» в данном случае принимает на себя, во-первых, «Запад», к которому и обращены эти рассуждения, но в еще большей степени СССР, или Россия, как существующая в течение долгого времени «иная цивилизация» на Востоке. Доказательством того, что «Центральная Европа» существует в первую очередь как категория политического самоопределения (Identitaetspolitik), а не как что-то иное, является для И. Б. Ноймана слабость международного сотрудничества внутри данной территории после 1989–90 гг. Тем не менее, идея Центральной Ев-

ропы могла бы продолжать свое существование в качестве подтверждения принадлежности этого региона к Европе (Т. Г. Эш). Для И. Б. Ноймана круг замыкается спорами о включении стран востока Центральной Европы (Ostmitteleuropa) в западный экономический и оборонительный союз против «варварской», «азиатской», «авторитарной» и «нецивилизованной» России⁶⁸.

Статья Т. Джадта посвящена западному миру (прежде всего США, Великобритания, Франции, Италии) как «адресату» рассуждений о Центральной Европе и ставит вопрос о причинах того, что Центральная Европа была принята, «заново открыта» Западом⁶⁹. Т. Джадт считает, что идея Центральной Европы вызвала широкий резонанс на Западе не благодаря содержанию статей М. Кундеры и других авторов, а благодаря политическим изменениям внутри сообщества западных государств в 80-е годы. Особенно он выделяет ослабление коммунистических партий и постепенную дискредитацию марксизма в Италии и Франции. Наряду с этим споры о правах человека, правах женщин и гражданских правах на Западе сделали возможным сближение с интеллигенцией на Востоке. Также антиамериканизм (в особенности в ФРГ) и активные дебаты об интеграции Европы в Европейское сообщество способствовали открытости западной интеллигенции. После выдвижения Михаила Горбачева в 1985 г. интерес Запада к Центральной Европе, однако, постепенно ослабевает, констатирует Т. Джадт. Одновременно в западных спорах наблюдается идеализация Центральной Европы: «Существует центрально-европейская фантазия о призрачной Европе, где есть терпимость, свобода и плюрализм культур [...] Центральная Европа всегда подвергается риску стать плодом чьего-то воображения [...]. [Она] стала идеализированной Европой, воплощающей нашу культурную ностальгию»⁷⁰.

Исторические и социологические исследования ментальных карт показали, что большинство общеупотребительных названий обширных территорий в нашем словаре являются не столько нейтральными понятиями, сколько терминами, имеющими ясную политическую историю. Поскольку в будущем не исчезнут ни потребность людей ориентироваться в пространстве, ни влияние геополитических споров на человеческие представления о пространственном мире, ментальные карты и в дальнейшем будут оставаться факторами исторического процесса⁷¹. В исторической науке географические регионы, вероятно, и дальше будут не в последнюю очередь служить для ограничения областей исследования, а также для определения сравниваемых единиц⁷². Если в будущем это будет осуществляться с большим сознанием историчности и политического характера используемых географических понятий, а также конструктивного характера связанных с ними пространственных представлений, значит исследования ментальных карт, развернувшиеся в последние десятилетия, принесли свои плоды.

Перевод с немецкого А. Жоровой

Примечания

- 1 W. Singer. Wahrnehmen, Erinnern, Vergessen. Über Nutzen und Vorteil der Hirnforschung für die Geschichtswissenschaft: Eröffnungsvortrag des 43. Deutschen Historikertages, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 28.9.2000 (Nr. 226), S. 10.

* См. статью А. И. Миллера в этом номере «НЛО» (ред.).

- 2 J. R. Anderson. Kognitive Psychologie. Eine Einführung. Heidelberg, 1988.
- 3 E. C. Tolman. Cognitive Maps in Rats and Men, in: Psychological Review 55.1948, S. 189–208; R. M. Downs, D. Stea. Maps in Minds. Reflections on Cognitive Mapping. N. Y., 1977; R. M. Downs, D. Stea. Kognitive Karten. Die Welt in unseren Köpfen. N. Y., 1982.
- 4 Downs, Stea. Kognitive Karten, S. 23f.
- 5 Там же, S. 41.
- 6 Обзору теории ментальных карт («Mental Maps») в психологии познания посвящена статья Клаудии Редтенбахер: *Claudia Redtenbacher*. Kognitive Karten im Spielfilm, in: *Peter Vitouch, Hans-Jörg Tinchon* (Hg.). Cognitive Maps und Medien. Formen mentaler Repräsentation bei der Medienwahrnehmung. Frankfurt/M., 1996, S. 15–72, в особенности S. 27–47. Те же задачи ставит себе Антон Хартль: *Anton Hartl*. Kognitive Karten und kognitives Kartieren, in: C. Freksa, u. a. (Hg.). Repräsentation und Verarbeitung räumlichen Wissens. Berlin, 1990, S. 34–46. Один из новейших сборников по исследованиям ментальных карт в психологии познания, который объединяет статьи географов и психологов, издан Ювалом Португали: *Juval Portugali* (ed.). The Construction of Cognitive Maps. Dordrecht, 1996. Полезное введение в теорию ментальных моделей, к которым следует причислять также и ментальные карты, представляет собой работа Стефана Дутке: *Stephan Dutke*. Mentale Modelle: Konstrukte des Wissens und des Verstehens. Kognitionspsychologische Grundlagen für die Software-Ergonomie. Göttingen, 1994, в особенности S. 1–78. Указатель текущей литературы по теме ментальных карт со списком исследований по психологии восприятия и географии, посвященных восприятию пространства и ориентации в пространстве, теории и методике анализа ориентирующих воображаемых образов и ментальных карт можно получить в информационном центре Informationszentrum Raum und Bau (IRB) общества Fraunhofer-Gesellschaft в Штуттгарте: <<http://www.irb.fhg.de>>.
- 7 *Jürgen Osterhammel*. Die Wiederkehr des Raumes: Geopolitik, Geohistoire und historische Geographie, in: *Neue Politische Literatur* 43.1998, S. 374–397.
- 8 *Jürgen Osterhammel*. Die Entzauberung Asiens. Europa und die asiatischen Reiche im 18. Jahrhundert. München, 1998.
- 9 *John Brian Harley*. Maps, Knowledge and Power, in: Denis Cosgrove, Stephen Daniels (Hg.). The Iconography of Landscape. Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments. Cambridge, 1988, S. 277–312; *John Brian Harley*. Deconstructing the Map, in: *Cartographica* 26.1989, S. 1–20; *John Brian Harley*. Cartography, Ethics and Social Theory, in: *Cartographica* 27.1990, S. 1–24; *John Brian Harley*. Maps and the Invention of America, in: *Map Collector* 58.1992, S. 8–12; *John Brian Harley, David Woodward* (Hg.). The History of Cartography, in 6 vol. Chicago, 1987ff.
- 10 *Harley*. Deconstructing the Map, S. 14.
- 11 *Harley*. Maps, Knowledge and Power, S. 301.
- 12 *Harley*. Maps, Knowledge and Power, S. 298.
- 13 *Dagmar Schmauks, Winfried Nöth* (Hg.). Landkarten als synoptisches Medium (Zeitschrift für Semiotik 20.1998, Heft 1–2).
- 14 *Dagmar Schmauks*. Landkarten als synoptisches Medium, in: Op. cit., S. 7–24.
- 15 *Winfried Nöth*, Kartosemiotik und das kartographische Zeichen, in: Op. cit., S. 25–39. Из новых работ по вопросам семиотики карт можно назвать также работы Богумила Палека: *Bohumil Palek*. Semiotics and Cartography, in: Thomas A. Sebeok, Jean Umiker-Sebeok (Hg.), Recent Developments in Theory and History. The Semiotic Web 1990, Berlin 1991, S. 465–491. Том 5 за 1994 г. журнала *Geographica Slovaca* также посвящается этим вопросам.
- 16 *Daniel R. Montello*. Kartenverstehen: Die Sicht der Kognitionspsychologie, in: *Zeitschrift für Semiotik* 20.1998, S. 91–103.
- 17 См. об этом: *Reinhard Lettau*. Zur Frage der Himmelsrichtungen. München, 1988.
- 18 *Yong Cao*. Untersuchung zu depiktionalen Darstellungen der Himmelsrichtungen, in: C. Freksa, u. a. (Hg.). Repräsentation und Verarbeitung räumlichen Wissens. Berlin, 1990, S. 113–128.
- 19 *Edward W. Said*. Orientalism. N. Y., 1979 (нем. изд. — *Edward W. Said*. Orientalismus. Frankfurt/M., 1981).
- 20 *Said*. Orientalismus, цит. по: *Edward W. Said*. Krise des Orientalismus, in: Christoph Conrad, Martina Kessel (Hg.). Kultur & Geschichte. Neue Einblicke in eine alte Beziehung. Stuttgart, 1998, S. 72–96, здесь: S. 86f.
- 21 См. также: *Ronald Inden*. Imagining India. Cambridge — Oxford, 1990; *Georg Stauth*. Islam und westlicher Rationalismus. Der Beitrag des Orientalismus zur Entstehung der Soziologie. Frankfurt/M., 1993; *Bryan S. Turner* (Hg.). Orientalism, Postmodernism and Globalism. London, 1994; *Carol A. Breckenridge* (Hg.). Orientalism and the Postcolonial Predicament. Perspectives on South Asia. Philadelphia, 1994; *Gyan Prakash*. Orientalism Now, in: *History and Theory* 34.1995, S. 199–212; *Julie F. Codell* (Hg.). Orientalism Transposed. The Impact of the Colonies on British Culture. Aldershot, 1998; *John M. MacKenzie*. Orientalism. History, Theory and the Arts. Manchester, 1998; *Meyda Yegenoglu*. Colonial Phantasies. Towards a Feminist Reading of Orientalism. Cambridge, 1998; *Barbara Harlow* (Hg.). Imperialism & Orientalism. A Documentary Source Book. Malden (Mass.), 1999; *Richard King*. Orientalism and Religion. Postcolonial Theory, India and «The Mystic East». London, 1999. Проблема «Ориентализм и Россия» находится в центре внимания дискуссии, которая представлена в журнале «Kritika»: Extempore: Orientalism and Russia, in: *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History* 1.2000, S. 691–728. Включает статьи: *Adeeb Khalid*. Russian History and the Debate over Orientalism (S. 691–700); *Nathaniel Knight*. On Russian Orientalism. A Response to Adeeb Khalid (S. 701–716); *Maria Todorova*. Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid (S. 717–728).
- 22 *Maria Todorova*. Imagining the Balkans. New York, 1997 (нем., Die Erfindung des Balkans. Europas bequemes Vorurteil. Darmstadt, 1999); см. также: *Maria Todorova*. The Balkans: From Discovery to Invention, in: *Slavic Review* 53. 1994, S. 453–482.
- 23 См. *Milica Bakic-Hayden, Robert Hayden*. Orientalist Variations on the Theme «Balkans»: Symbolic Geography in Recent Yugoslav Cultural Politics, in: *Slavic Review* 51. 1992, S. 1–15; *Milica Bakic-Hayden, Robert Hayden*. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia, in: *Slavic Review* 54. 1995, S. 917–931.
- 24 *Larry Wolff*. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994; *Larry Wolff*. Voltaire's Public and the Idea of Eastern Europe: Toward a Literary Sociology of Continental Division, in: *Slavic Review* 54. 1995, S. 932–942.
- 25 Немецкое понятие Osteuropa и английское Eastern Europe не полностью эквивалентны. Eastern Europe подразумевает, с одной стороны, территорию между Западной и Центральной Европой, а с другой стороны, Россию (вернее, восточно-славянский языковой ареал). Osteuropa, как правило, включает Россию. Несмотря на это, Л. Вулф рассматривает в своей книге также источники, представляющие западно-европейское, прежде всего французское, восприятие России.
- 26 *Hans Lemberg*. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom «Norden» zum «Osten» Europas, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, NF, 33. 1985, S. 48–91.
- 27 *Dieter Groh*. Rußland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt, 1988; *Lev Kopelev* (Hg.). West-östliche Spiegelungen. Reihe A. Russen und Rußland aus deutscher Sicht, Band 2, 18. Jahrhundert: Aufklärung. München, 1987.
- 28 *Lemberg*. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs, S. 60.
- 29 Там же, S. 90.
- 30 Дискуссия «Россия и Европа» интенсивно исследовалась. См. напр. *Alexander von Schelling*. Rußland und Europa im russischen Geschichtsdenken. Bern, 1948 (новое издание Stuttgart, 1997); *Dmitrij Tschizhevskij, Dieter Groh* (Hg.). Europa und Rußland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses. Darmstadt, 1959; *N.V. Riasanovsky*. Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles. A Study of Romantic Ideology. Cambridge (Mass.), 1952 (нем. Rußland und der Westen. Studie über eine romantische Idee. München, 1954); *Iver B.*

- Neumann*. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London, 1996; *Michail Ryklin*. Hinter den Spiegeln. Zur Geschichte der Grenze zwischen Rußland und Europa, in: *Transit* 16. 1999, S. 158–166.
- 31 См. напр. *Otto Böss*. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; *Leonid Luks*. Die Ideologie der Eurasier in zeitgeschichtlichem Zusammenhang, in: *Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas* 34. 1986, S. 374–395; Russian Eurasianism, Past and Present, in: *Russian Studies in Philosophy* 34. 1996, No. 3. О возрождении идей евразийства после 1985 г. см.напр. *Assen Ignatow*. Der «Eurasismus» und die Suche nach einer neuen russischen Kulturidentität. Die Neubelebung des «Evrazijstvo-Mythos», in: *Berichte des BIOst*. Köln, 1992, Nr. 15.
  - 32 *Mark Bassin*. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space, in: *Slavic Review* 50. 1991, S. 1–17.
  - 33 См. *Hans-Joachim Torke*. Was ist Osteuropa? Zu einer Historiker-Debatte zwischen den Weltkriegen und danach, in: *Holm Sundhaussen* (Hg.). Was ist Osteuropa? 1. Colloquium des Osteuropa-Instituts. Berlin, 1998, S. 23–28; *Hans Lemberg*. Mitteleuropa und Osteuropa. Politische Konzeptionen im Spiegel der Historikerdiskussion der Zwischenkriegszeit, in: *Richard G. Plaschka u.a.* (Hg.), *Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts*. Wien, 1995, S. 213–220.
  - 34 *Erwin Oberländer* (Hg.). Geschichte Osteuropas. Zur Entwicklung einer historischen Disziplin in Deutschland, Österreich und der Schweiz 1945–1990. Stuttgart, 1992.
  - 35 См. записи дискуссии в кн.: *Stefan Creuzberger* (Hg.). Wohin steuert die Osteuropaforschung? Eine Diskussion. Köln, 2000.
  - 36 *James G. Carrier*. Occidentalism: Images of the West. New York, 1995; см. также *James G. Carrier*. Occidentalism: The World Turned Upside-down, in: *American Ethnologist* 19. 1992, S. 195–212.
  - 37 *Carrier*. Occidentalism: Images of the West, обложка.
  - 38 *Silvia Federici* (Hg.). Enduring Western Civilization: The Construction of the Concept of Western Civilization and ist «Others». Westport (Conn.), 1995.
  - 39 *Dorothea Müller* (Hg.). Ambivalenzen der Okzidentalisation. Zugänge und Zugriffe. Leipzig, 1998.
  - 40 О феномене «Анти-оксидентализма» на примере Греции см. *Vasilios Makrides*. Le rôle de l'orthodoxie dans la formation de l'antieuropéanisme et l'antioccidentalisme grecs, in: G. Vincent; J.-P. Willaime (Hg.). Religions et transformations de l'Europe. Strasbourg, 1993, S. 103–116; *Vasilios Makrides*. Anti-Westernism, in: G. Speake (Hg.), *Encyclopedia of Greece and the Hellenic Tradition*, Bd. 1, London, 2000, S. 93–95.
  - 41 См. *Bassin*. Russia between Europe and Asia, S. 3. См. на эту тему напр. *Herfried Münkler*. Europa als politische Idee. Ideengeschichtliche Facetten des Europabegriffs und deren aktuelle Bedeutung, in: *Leviathan* 19. 1991, S. 521–541; *Gerard Delanty*. Inventing Europe. Idea, Identity, Reality. New York, 1995; *Jan van der Dussen, Kevin Wilson* (Hg.). The History of the Idea of Europe. N.Y., 1995.
  - 42 *Bernd Henningsen*. Der Norden: Eine Erfindung. Das europäische Projekt einer regionalen Identität. Antrittsvorlesung an der Humboldt-Universität zu Berlin. Berlin, 1995; *Bernd Henningsen*. Der Norden: Eine Erfindung, in: *Fritz Dressler u.a.* (Hg.). Der Norden. Norwegen, Schweden, Danemark, Finnland. München, 1993, S. 13–110.
  - 43 *Cm. Lemberg*. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs, S. 51ff.
  - 44 *Bernd Henningsen*. Die schwedische Konstruktion einer nordischen Identität durch Olof Rudbeck. Berlin, 1999, (= Arbeitspapiere «Gemeinschaften», Bd. 9).
  - 45 *Klaus von See*. Deutsche Germanen-Ideologie. Vom Humanismus bis zur Gegenwart. Frankfurt/M., 1970; *Barbara Gentikow*. Skandinavien als präkapitalistische Idylle. Rezeption gesellschaftskritischer Literatur in deutschen Zeitschriften 1870–1914. Neumünster, 1974.
  - 46 См. *Henningsen*. Die schwedische Konstruktion, S. 9, 36. Тесно связаны с пространственным понятием «Северная Европа» («Nordeuropa») термины «Северо-восточная Европа» («Nordosteuropa») или «Район Балтийского моря» («Ostseeländ»), которым в течение нескольких лет посвящаются исторические исследования. См. напр.: *Klaus Zernack*. Grundfragen der Geschichte Nordosteuropas, in: *Klaus Zernack*. Nordosteuropa. Skizzen und Beiträge zu einer Geschichte der Ostseeländer. Lüneburg, 1993, S. 9–21; *Klaus Zernack*. Der europäische Nordosten als Geschichtsraum, in: *Bibliotheca Baltica*. Hg. von Jörg Fligge u. Robert Schweitzer. München u. a., 1994, S. 26–34; *Iver B. Neumann*. A Region-Building Approach to Northern Europe, in: *Review of International Studies* 20. 1994, No. 1, S. 53–74; *Stefan Troebst*. Nordosteuropa. Begriff, Traditionen, Strukturen, in: *Kommune. Forum für Politik, Ökonomie, Kultur* 5. 1997, S. 36–42.
  - 47 *Fernand Braudel*. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II, 2 Bde. Paris, 1966 (нем. Das Mittelmeer und die mediterrane Welt in der Epoche Philipps II. Frankfurt/M., 1992); *Fernand Braudel, Georges Duby, Maurice Aymard*. Die Welt des Mittelmeeres. Zur Geschichte und Geographie kultureller Lebensformen. Frankfurt/M., 1990; *Fernand Braudel*. Modell Italien 1450–1650. Stuttgart, 1999.
  - 48 Однозначную экономическую коннотацию Юга после 1945 г. подтверждают заглавия работ к постановке вопроса о политике развития. См. напр.: *Bernhard Keller*. Der Nord-Süd-Konflikt. Globale Gefährung – gemeinsame Verantwortung. Frankfurt/M., 1991; *Manfred Wöhlcke*. Risiken aus dem «Süden». Neue Themen in den Nord-Süd-Beziehungen nach dem Ende des Ost-West-Konflikts. Ebenhausen, 1991; *Manfred Wöhlcke*. Der ökologische Nord-Süd-Konflikt. München, 1993; *Alfons L. Ims*. Der Nord-Süd-Konflikt. Überlegungen zur Lösung der internationalen sozialen Frage. Bonn, 1992; *Gerald Braun*. Nord-Süd-Konflikt und Dritte Welt. Paderborn, 1993; *Uwe Andersen* (Hg.). Der Nord-Süd-Konflikt nach dem Ende des Ost-West-Konflikts. Stuttgart, Berlin u.a., 1994; *Gottfried Böttger*. Der Nord-Süd-Konflikt in der politischen Bildung. o.O. 1996.
  - 49 О феномене Mezzogiorno в Италии см.напр. *Adrian N. Carello*. The northern question. Italy's participation in the European Economic Community and the Mezzogiorno's underdevelopment. Newark, 1989; *Horst-Günter Wagner*. Mezzogiorno. Köln, 1991; *Martina Seitz*. Italien zwischen Zentralismus und Federalismus. Dezentralisierung und Nord-Süd-Konflikt. Wiesbaden, 1997; *Adriana DiLeo*. Dibattito sul Mezzogiorno contemporaneo. Napoli u.a., 1998.
  - 50 *Todorova*. Imagining the Balkans.
  - 51 См. *Todorova*. Imagining the Balkans, S. 140ff.
  - 52 *Hans-Dietrich Schultz*. Räume sind nicht, Räume werden gemacht. Zur Genese «Mitteleuropas» in der deutschen Geographie, in: *Europa Regional* 5. 1997, S. 2–14; *Hans-Dietrich Schultz*. Fantasies of «Mitte». «Mittellage» and «Mitteleuropa» in German geographical discussion of the 19th and 20th century. In: *Political Quarterly Geography* 8. 1989, S. 315–339; *Hans-Dietrich Schultz*. Vom harmlosen Gliederungskonzept zum imperialen Programm. Der Mitteleuropa-Begriff in der deutschsprachigen Geographie des 18. und 19. Jahrhunderts, in: R. Graafen, W. Tietze (Hg.). Raumwirksame Staatstätigkeit, FS K.A. Boesler. Bonn, 1997, S. 201–216. См. также: *Arnold Suppan*. Der Begriff «Mitteleuropa» im Kontext der geopolitischen Veränderungen seit Beginn des 19. Jahrhunderts, in: *Mitteilungen der Österreichischen Geographischen Gesellschaft* 132. 1990, S. 192–213 и обзорную статью Питера М.Р. Стэрка: *Peter M.R. Stirk*. The Idea of Mitteleuropa, in: *Peter M.R. Stirk* (Hg.). Mitteleuropa. History and Prospects. Edinburgh, 1994, S. 1–35.
  - 53 *Schultz*. Räume sind nicht, Räume werden gemacht, S. 11.
  - 54 См. об этом: *Henry Cord Meyer*. Mitteleuropa in German Thought and Action, 1815–1945. Hague, 1955; *Henry Cord Meyer*. Mitteleuropa in German Political Geography, in: *Henry Cord Meyer, Collected Works*, vol. 1. Irvine (Ca.), 1986, S. 109–126; *Reinhard Frommelt*. Paneuropa oder Mitteleuropa. Einigungsbestrebungen im Kalkül deutscher Wirtschaft und Politik 1925–1933. Stuttgart, 1977. О спорах на тему Центральной Европы в Австрии и Венгрии в 19 веке см.: *Richard G. Plaschka u.a.* (Hg.). Mitteleuropa. Idee, Wissenschaft und Kultur im 19. und 20. Jahrhundert: Beiträge aus österreichischer und ungarischer Sicht. Wien, 1997.
  - 55 *Schultz*. Räume sind nicht, Räume werden gemacht, S. 10.

- 56 *Markus Schubert*. Die Mitteleuropa-Konzeption Friedrich Naumanns und die Mitteleuropa-Debatte der 80er Jahre (= Libertas Paper, Bd. 3). Sindelfingen, 1993.
- 57 См. также: *M. Bennhold*. Mitteleuropa — eine deutsche Politiktradition. Zu Friedrich Naumanns Konzeption und ihren Folgen. in: Blätter für deutsche und internationale Politik 37. 1992, S. 977–988.
- 58 *Richard G. Plaschka, Horst Haselsteiner u.a.* (Hg.). Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Wien, 1995.
- 59 Эрик Хобсбаум выделяет в охватывающей эпоху дискуссии о Центральной Европе три направления: во-первых, великогерманское империалистическое направление, во-вторых, вариант ностальгии по Габсбургам, в третьих, традиционную расистско-антирусскую линию. См. об этом: *Schultz*. Räume sind nicht, Räume werden gemacht, S. 12f. Различие между немецким «дискурсом о Центральной Европе» начала XX века и восточно-центральноевропейским «дискурсом о Центральной Европе» 1980-х гг. подчеркнуто в: *Anton Pelinka*. Mythos Mitteleuropa, in: Peter Gerlich u.a. (Hg.). Neuland Mitteleuropa. Ideologiedefizite und Identitätskrisen. Wien, Torun, 1995 (=Zentraleuropa/Mitteleuropa, Bd. 4), S. 13–17.
- 60 *Timothy Garton Ash*. Mitteleuropa?, in: Daedalus, 119.1990. Reprint in: Stephen R. Graubard (Hg.). Eastern Europe... Central Europe... Europe. Boulder, 1991, S. 1–21. Немецкая дискуссия о Центральной Европе частично зафиксирована в кн. *Sven Papcke, Werner Weidenfeld* (Hg.). Traumland Mitteleuropa? Beiträge zu einer aktuellen Kontroverse. Darmstadt, 1988 (включает статьи авторов: P. Bender, F. Bondy, E. Busek, K. Grobe-Hagel, Z. Mlynar, J. Rován, H. Rudolph, E. Trugly, K.D. Voigt и др.).
- 61 *Karl Schlögel*. Die Mitte liegt ostwärts. Die Deutschen, der verlorene Osten und Mitteleuropa. Berlin, 1986.
- 62 *E. Busek, G. Wilfinger* (Hg.). Aufbruch nach Mitteleuropa. Wien, 1986 (включает статьи М. Кундеры, М. Джиласа, Л. Колаковского и др.); *Peter Burmeister, Frank Boldt, György Meszaros* (Hg.). Mitteleuropa — Traum oder Trauma. Überlegungen zum Selbstbild einer Region. Bremen, 1988 (включает статьи авторов: P. Hanák, G. Konrad, M. Simecka, L. Szaruga, M. Vajda и др.); *George Schopflin, Nancy Wood* (Hg.). In Search of Central Europe. Cambridge (UK), 1989 (включает статьи Т.Г. Эша, Г. Шёпфлина, Э. Шварца и др.); Österreichisches Institut für Friedensforschung und Friedenserziehung (Hg.). Mitteleuropa? Wien, 1989 (включает статьи: Э. Яна, Д. Конрада, К. Шлёгеля и др. а также прокомментированную библиографию по теме Центральной Европы Бернарда Допплера (Bernhard Doppler); S.R. Graubard (Hg.). Eastern Europe... Central Europe... Europe. Boulder, 1991 (Репринтное издание сборника статей, который впервые вышел как 119 том журнала Daedalus; включает статьи авторов: B. Geremek, J. Škvorecký, I. Banas, E. Hankiss, J.M. Kovács, J. Rupnik, G. Schöpflin и др., а также анализ дискуссии Т.Г. Эша, Э. Геллнера и Т. Джадта); Johann-Gottfried Herder-Institut Marburg (Hg.). Traum oder Trauma? Der polnische Beitrag zur Mitteleuropa-Diskussion (1985–1990), bearbeitet von Hans-Werner Rautenberg. Marburg, 1991.
- 63 *Tony Judt*. The Rediscovery of Central Europe, in: Daedalus, 119. 1990. Reprint in: S.R. Graubard (Hg.). Eastern Europe... Central Europe... Europe. Boulder, 1991, S. 23–58. *Iver B. Neumann*. Russia as Central Europe's Constituting Other, in: East European Politics and Societies, 7. 1993, S. 349–369; *Ernest Hobsbawm*. Mitteleuropa, Politik und Kultur, in: Wiener Tagebuch, 1989, H. 11, S. 17–19; *Ernest Hobsbawm*. The Return of Mitteleuropa, in: The Guardian, 11.10.1991, *Aleksej Il'ič Miller*. Vostok Evropy ili k vostoku ot Evropy? in: Pro et Contra 3.1998, S. 5–17; *Aleksej Il'ič Miller*. Central Europe: A Tool for Historians or a Political Concept? in: European Revue of History — Revue Européenne d'Histoire 6. 1999, S. 85–89.
- См. также: *Martin Schulze-Wessel*. Die Mitte liegt westwärts. Mitteleuropa in der tschechischen Diskussion, in: Bohemia 29.1988, S. 325–344; *Rudolf Jaworski*. Die aktuelle Mitteleuropadebatte in historischer Perspektive, in: Historische Zeitschrift 247. 1988, S. 529–550; *Rudolf Jaworski*. Ostmitteleuropa. Zur Tauglichkeit und Akzeptanz eines historischen Hilfsbegriffs, in: Winfried Eberhard u.a. (Hg.). Westmitteleuropa — Ostmitteleuropa. Vergleiche und Beziehungen. FS Ferdinand Seibt. München, 1992, S. 37–45; *Ladislav Matejka*. Milan Kundera's Central Europe, in: Cross Currents 9. 1990, S. 127–134; *Jan Kren*. Mitteleuropa-Diskussion — historisch betrachtet, in: W. Lepenies (Hg.). Jahrbuch des Wissenschaftskollegs zu Berlin 1990/91. Berlin, 1992; *Jacques Le Rider*. Mitteleuropa. Auf den Spuren eines Begriffs. Wien, 1994; *Peter Bugge*. The Use of the Middle: Mitteleuropa vs. Střední Evropa, in: European Revue of History — Revue Européenne d'Histoire 6. 1999, S. 15–36.
- 64 *Schultz*. Räume sind nicht, Räume werden gemacht, S. 12f.
- 65 *Hobsbawm*, цит. по: *Schultz*. Räume sind nicht, Räume werden gemacht, S. 13.
- 66 *Neumann*. Russia as Central Europe's Constituting Other. См. также: *Mihály Vajda*. Wer hat Rußland aus Europa ausgeschlossen? Reflexionen über Milan Simeckas Artikel «Noch eine Zivilisation? Eine andere Zivilisation?» in: P. Burmeister u.a. (Hg.). Mitteleuropa — Traum oder Trauma. Überlegungen zum Selbstbild einer Region. Bremen, 1988, S. 73–84.
- 67 *Miller*. Vostok Evropy ili k vostoku ot Evropy?
- 68 М. Шуберт в своем сравнительном исследовании рассуждений о Центральной Европе 80-х годов определил расхождения различных национальных направлений. Для венгерских авторов было значительным отношение к Империи Габсбургов, чешских и словацких авторов объединяет сильный анти-русский момент, польские же авторы рассматривают Центральную Европу в тесной связи с немецкой экспансией. См. *M. Schubert*. Die Mitteleuropa-Konzeption Friedrich Naumanns, S. 31ff.
- 69 *Judt*. Rediscovery of Central Europe. См. об этом также: *Oliver Rathkolb*. Eastern Central Europe. U.S.-Zentraleuropa-Perzeptionen (1984–1994), in: P. Gerlich u.a. (Hg.). Neuland Mitteleuropa. Ideologiedefizite und Identitätskrisen. Wien, Torun, 1995, S. 117–123.
- 70 *Judt*. Rediscovery of Central Europe, S. 48.
- 71 Самый известный пример последних лет: *Samuel Huntington*. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London, 1997 (нем. перевод: Der Kampf der Kulturen. München, Wien, 1996).
- 72 См. *O. Halecki*. The Limits and Divisions of European History. London, N.Y., 1950 (нем. Europa, Grenzen und Gliederung seiner Geschichte. Darmstadt, 1957; *K. Zernack*. Osteuropa. Eine Einführung in seine Geschichte. München, 1977 (раздел: Die vier großen Regionen der osteuropäischen Geschichte, S. 31–66); *J. Szűcs*. Die drei historischen Regionen Europas. Frankfurt, 1990 (Первое издание венгерского оригинала 1983). См. об этом также: *A. Fikret, C. Lübke, M.G. Müller, M. Schulze-Wessel*. Traditionen und Perspektiven vergleichender Forschung über die historischen Regionen Osteuropas, in: Berliner Jahrbuch für Osteuropäische Geschichte 1. 1996, S. 11–44 (FS Zernack). Из последних работ о восточной части Центральной Европы как предмете европейских сравнительно-исторических исследований см.: *Jürgen Kocka*. Das östliche Mitteleuropa als Herausforderung für eine vergleichende Geschichte Europas, in: Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung 49. 2000, S. 159–174.